

СТИХОТВОРЕНИЯ

а что, если нет ничего
и ты просто болтаешься в бездне?
нет защиты, опоры, нет правил, нет итога,
нет никаких предрассудков и мнений.

а что, если нет гороскопов?
и ты так же, как каждый, никто.
нет вечности и вечных вопросов.
а что, если нет ничего?

говорят: «судьба/не судьба/от судьбы не уйдёшь».
а что, если нет ничего?
ты это всё равно никогда не поймёшь.
нет чужих, нет своих, нет моего, твоего.

нет земли и нет неба, нет звёзд и нет облаков.
просто бездна. просто тьма или режущий свет.
и всё – иллюзия, иллюзия для нас, для дураков.
нет друзей, нет родных, нет врагов.
нет ненависти и любви. и всё бред.
просто представь, что совсем ничего нет.

нет смысла, всё пусто, и ты никогда не умрёшь.

ты болтаешься в бездне и не знаешь, куда себя деть.

приходи – никогда не придёшь, уходи – никогда не уйдёшь.

[я придумал, а ты следуй, знай, верь]

ни сны, ни гадания, ни предсказания ничего не значат, даже если они сбываются.

ты не должен – тебе не должны – людей нет.

бездна – точка, бездна – пятно, она расползается.

а тьма-то куда приятней, чем режущий свет.

и ты болтаешься в этой бездне совсем-совсем один.

ты знаешь, что тебе столько-то лет,

мечтаешь о чём-то, помнишь дороги, мокрый асфальт и фары машин...

мелькает множество разных картин.

всё проще: ничего этого нет.

ты болтаешься в бездне и со всех сторон тьма,

глубокая, насыщенная, чёрная темнота.

тебя ничто не держит. ты не стоишь на ногах.

ты не сидишь, не лежишь. нет поверхности так же, как дна.

нет выхода, входа. ты ни на чём не висишь.

ты один или одна. и вокруг всё поглотившая чернота.

ты помнишь, ты что-то, видимо, помнишь...

какие-то близкие лица и даже родные места.

ты был кем-то особенным и почему-то всегда говорил «звонИшь» вместо «звОнишь»

(но не звонил никогда).

по сути, конечно же, всё это ерунда.

вокруг тебя ничего нет.

а почему есть ты?

а точно ты есть?

или ты тоже иллюзия темноты?

ты здесь, ты пока ещё вроде бы здесь.

и только ты можешь сделать шаг

и так же, как каждый, после погаснуть.

и прийти, если пойдёшь, и уйти насовсем, если однажды уйдёшь.

если всё – иллюзия, а ты – баг,

какая там разница, чем ты вообще живёшь?

каждая точка – лишь место,

с которого можно отплыть.

ну а если по-честному,

то и самой тьмы не должно вовсе и быть.

просто, наверное, нужен фон.

почему-то всему очень нужен фон.

тогда это не пустота, а всего лишь иллюзия пустоты.

да хоть бейся ты головой об стену,

каждому говори, что всё неправильно, мы заложники,

и кричи о том, что надо сломать систему.

а ты внутри неё, ты барахтаешься по венам,

но твердишь о том, как запросто выйти наружу.
да выходи ты в темень, в жуткий ливень, в жару и ужасную стужу.
выходи и ори, что всё придумано,
и о том, что ты не понята и всё по-прежнему, всё по кругу.
выходи и беги на красный, стекай с мостов,
будь тьмой, будь ветром, будь бураном, вьюгой.
и падай... вставай и падай, вставай и падай!..
и, может, кто-нибудь из сумасшедших, из самых конченных дураков,
однажды тебе протянет руку
и скажет: «а точно: ничто не надо.
мы ложь, мы выдумка, мы иллюзия, мы неправда!
и сколько б тебе ни пророчили,
ни твердили о том, что нужно...
о том, как важно
помнить, чем они все закончили,
мы погасим свет и чиркнем новую «Дьяволиаду»!»

и ненавидь их всех,
ненавидь их сколько душе угодно,
ненавидь их каждого!
и пусть сольются в одно истерический плач и такой же смех.
пусть увидят в тебе предателя, ничтожество, недостойного.
пусть молчат...
а после... а после больше ничто не надо нам.
и искоса пусть посмотрят и скажут:
«да это ж чёрт!

он сумасшедше чёрный.

ты бредишь, да и он языком не вяжет.

да отойди ж от него, наивная!

да побойся ж Бога!

мы все живём так, и мы счастливые,

а сумасшедшим одна дорога».

и вот он чёрт:

он верит мне, он улыбается, он добрый и совсем не страшный.

а я любитель чёрного,

ведь вечность сокрыта в чёрном,

ведь в чёрном мы прячем важное.

и мы смеёмся над вами, над этим городом.

и пусть мы глупые, но нам больше ничто не страшно,

нам больше ничто не нужно.

пускай мы зло, зато мы убили «надо»!

он давно протянул мне руку.

даёт мне ручку.

мы на мокром асфальте – мы возле лужи –

мы в луже. мы насквозь промокли под вечным ливнем.

мы ушли от всех, разбив витрины.

мы колотили их кулаками до жуткой боли.

наш мир – ночь. наш мир – бумага.

мы собственной пишем кровью.

мы пишем лучшую «Дьяволиаду».

*

я заперта в крохотной комнатке.

я капля в сознании. я тоже заложник.

мой нарисованный чёртик пишет на подоконнике:

«мы можем, мы можем, мы выйдем, мы сможем...

мы вырвемся, и нас больше не остановят!»

ты ничто. ты любое. ты создатель себя. ведь попросту ничего нет.

и мы выходим гулять из этой игры, но только когда тухнет свет.

Муха в варенье – банальная сцена.

Но это я пытаюсь бороться... с судьбой? с собой?

С тем, что за нас решено и оценено.

Будь собой, но, чёрт возьми, априори не можешь ты быть собой.

Да и нет понятия «быть собой».

Мойры красивы лишь на картинках.

На деле это поганые и уродливые пауки.

Что-то тянут и шепчут. Скорей б вы затихли!

Я бы вас раздавила, если б вы не были настолько больше моей ноги.

Со всех сил пытаюсь порвать ваши дурацкие нитки,

Чтоб, наконец, воцарился великий крах не очень великой системы,

А паутина только сгущается в рамки...

Хочу раздвинуть немного так давящие со всех сторон стены,

Но хрупкая, тонкая чёрная лапка

Вязнет в чёткой липкости размыто-пустого мира.

(Если ставить трагедию, наверное, вышло б зрелищно и красиво.)

Но ведь я не одна.

Вокруг меня миллиарды таких же Я.

Иронично, что все они одинаковая и последняя буква.

Всё лишь кухонная философия и слова.

Поднимись чуть повыше – ты не увидишь себя:

Внизу суетятся точки внутри огромной холодной схемы.

Все они, как и ты, размышляют

И стремятся бороться,

Но никто никогда не узнает,

Что и эти мысли, попытки – часть той же дурацкой системы.

Никогда не узнаю,

Но любопытно:

Хотя б одному из этих бесчисленных Я удалось однажды спастись?

Я стою рядышком и весь этот мир и себя осуждаю.

Как всё глупо, всё пусто, самообман всё, обидно и стыдно.

И давит всё до тошноты, хоть удавись.

Мы хозяева своей жизни, но все одинаково ничего не умеем

И ничему никогда не научимся, как бы ты не старался.

Господи, как же всё-таки я в себя не верю!..

Но так хочется знать, что кто-то же да выпутывался.

(Или не был мухой, как я...

Или, может быть, я не муха...

Ахах, ну да, все мухи, а я не муха...

Так мыслит каждый... С чего вообще это я взяла?)

Поезд медленно движется, а может, движется всё вокруг...

– Заплатите, пожалуйста, за проезд и выслушайте все правила,

Иначе нечего было сюда входить.

Сейчас проверим багаж, спускайте ваш груз.

– Я не могу его снять, кажись, он к душе приплавился

И никак не хочет меня пустить.

Из-под бровей уставились злые глаза проводницы.

Она меня не слышит или попросту не поняла.

Костлявые пальцы перелистывают пожульканные страницы.

Она что-то царапает в книжке с невзрачной обложкой «Дела».

Она подносит ко мне свои грязные острые когти

И начинает зачем-то впиваться в виски.

Она вводит инъекцию, чтоб соблюдать и помнить.

– Без этого дальше Вам не пройти.

– Слышь, Яга, без обид, но мне неинтересно!

– Ну раз так, то проваливай к чёрту из этой жизни!

Ты не одна такая: тот добровольно повис,

А те, кто живы, всё равно полумёртвые и на отшибе.

Ты сама виновата в том, что на свет появилась.

Я тебя не толкала насильно в наш поезд.

– Но я не хотела, я не просила!.. Где же тут справедливость?..

У вас всё твёрдо и холодно, и всё злое...

– И не пытайся сломить нашу настойчивость.

Покоряться должны все в этот поезд пришедшие.

Тогда обретёшь гармонию, мир, спокойствие...

Я не слушаю их, эти люди до ужаса сумасшедшие.

С человека сыпается блестящая засохшая грязь

И падает под ноги острыми комьями.

Я конкретно запуталась... Где сон, а где явь?

Наступать становится действительно больно.

Вечно мы всё придумываем, сумасшедшие фантазёры.

Оказалось-то, что не я повелитель мира.

Как будто окно помыла: теперь всё по новой:

Прозрачно, светло, но до ужаса некрасиво.

Собрать бы грязь эту да примотать вновь скотчем,

Но всё не то, я всё знаю, и больше неинтересно.

И сыплется, сыплется, сыплется всё с многослойной ночи...

И вот окончательно треснуло.

Люди странные, а ты ещё страннее.

В ком-то жизнь пробудила веру – меня научила неверию.

И вместо открытых дорог мы, кажется, ползём по траншее.

Я не хочу тебе верить, но, к сожалению, верю.

Мы сидим до утра на лавке под старыми клёнами.

Умоляю: давай без банальностей! Мы ими давно уж заклёваны.

Эти пенёчки были когда-то липами.

Да ладно, все мы однажды останемся позабытыми.

Ну а пока мы всё тут и время летит незаметно.

Ты можешь стрелки подвинуть назад – ничего не изменится.

Дует ветер, и лето – какое-то странное лето.

И шарик земли безостановочно вертится.

Болтать ни о чём и о всём, по делу и просто от скуки...

Когда-то лето было действительно летом
И внутренний мир был чистым, без инородностей...

Лежат, разлагаются мухи
Под корочкой льда и подтаявшим снегом,
Сдавшись, и за непригодностью.

Ставлю цветочки бутонами вниз.
Всё равно завянут.
Так чего ж жалеть?
Время – петелька. Время – отрезок. А ты повис и завис.
Время – резинка, которую тянут,
Чтоб так сразу не умереть.
Время – болячка.
Моё лечение – ждать и терпеть.

Время – призрак с безжалостным чувством юмора.
А я его слушала, а я ему верила, а я думала...
Время – пустой желудок.
Впихну в него хотя б что-нибудь, чтобы не сдохнуть с голоду.
Время – снежный котёнок.
Я его прячу подальше... Подальше от холода.

Ты счастливый ребёнок,
А твои монстры состарились прям под кроватью.

Когтистой лапой вытаскивают тебя из пелёнок

И пронзительно шепчут: «Хватит!»

Сил не то что ноль – они давно ушли в минус.

И всё как пыль по запаху, как соль на вкус.

Когда-то внутри ещё дымилось –

Теперь затоптано и развеяно по ветру.

Наконец-то гадалка сказала правду:

Говорит, что в конце умру,

А жить буду до самой смерти.

Из крошек солнышко выложу на доске.

Пускай не светит,

Но мне так легче.

Доставай свой плед

И зашивайся в самый надёжный кокон.

Но здесь тоже пыль. И всё бред.

И ты опять пытаешься кричать прохожим из закрытых окон.

Люди, в принципе, несовместимы,

Но до безумия все похожи.

Скажу «привет» и обращусь на «ты»,

Но это был очередной прохожий.

Его на остановке ждёт автобус.

Он сядет и поедет до конечной.

Земля – всего лишь непутёвый глобус

В дешёвой краске, что недолговечна.

Прохожий счастлив: у него есть жизнь и мир в пустой коробке.

Он сам это придумал и создал.

Он не такой, как все... Он, кажется, свободный...

И он умрёт так, как никто не умирал...

Решила пройтись по улицам.

Под лунной всё невероятное.

Прохожий приветливо улыбнулся

И вытянул что-то невнятное.

Мои глаза сказали: «Не понимаю».

Он помедленней повторил.

Хотел узнать, что предпочитаю.

– Я бы розы Вам подарил!

– Тогда искусственные чёрные в чётном количестве,

Хотя... и они выцветают...

Он что-то мямлил о странных личностях...

О том, что такое не дарят...

И он спустился с Его Величества...

И он испуганно убегает...

Просроченный закомплексованный подросток

(В шапке – десять, без неё – все тридцать пять)

Валяется в чулане меж двух досок.

Он мыслит жизнь. Мечтает создавать.

Глаза в глаза. Мы, кажется, давно знакомы.

Прости, не обижайся... Нам не по пути.

Пожалуйста, пойми: у всех свои законы –

Нас не поймут, ну как ты ни крути.

Нас не поймут. И вряд ли что получится:

Я точно знаю, проверяла наперёд.

Ты сможешь всё, пусть у тебя всё сбудется.

Когда-нибудь настанет твой черёд.

Твоё "когда-нибудь" так свято – не отнять.

Ты только верь в него. Всё будет, но потом.

Пока иди, а лучше и прощай.

И чтоб не возвращаться, не скучать,
Я зеркало разбила кулаком.

Протикало без чего-то двенадцать.

Мне точно не было и пятнадцати.

Зима, кухня, ночь,

Жёлтый свет и кот возле печки.

Если честно, мне это очень...

На стене часы в синей рамке, заклеенной скотчем.

В часиках бегают заведённые человечки.

Я часы разбила однажды случайно.

Да, я всё привыкла латать скотчем.

Сколько раз после этого пыталась их уничтожить специально:

Думала, так будет свободней, проще,

А время станет живее, насыщенней и растечётся.

Да лучше бы просто рассыпалось на кусочки!

Всё неправильно, всё надуманно.

Оно разрозненно, перемешано и запутанно.

Как ни клей, это хаос, который не соберётся.

Часы и ныне на стенке. Под скотчем на рамке пузырится трещина-язва.

С неё струится и капает, капает, капает в тазик...

Везде абсурдный детерминизм, который больше похож на заразу.

И я опять выливаю в канаву из тазика один-другой часик.

*

Я абсолютно не понимаю, что мной сказано до.

Цепочка бессмысленных буковок, слов...

Знаю точно одно: всё безумный водоворот.

Не думай, не бойся, не беспокойся, не пытайся нащупать дно.

Закрывай глаза и ложись на плот.

Тебя и без этого унесёт.